

Посвящается брату

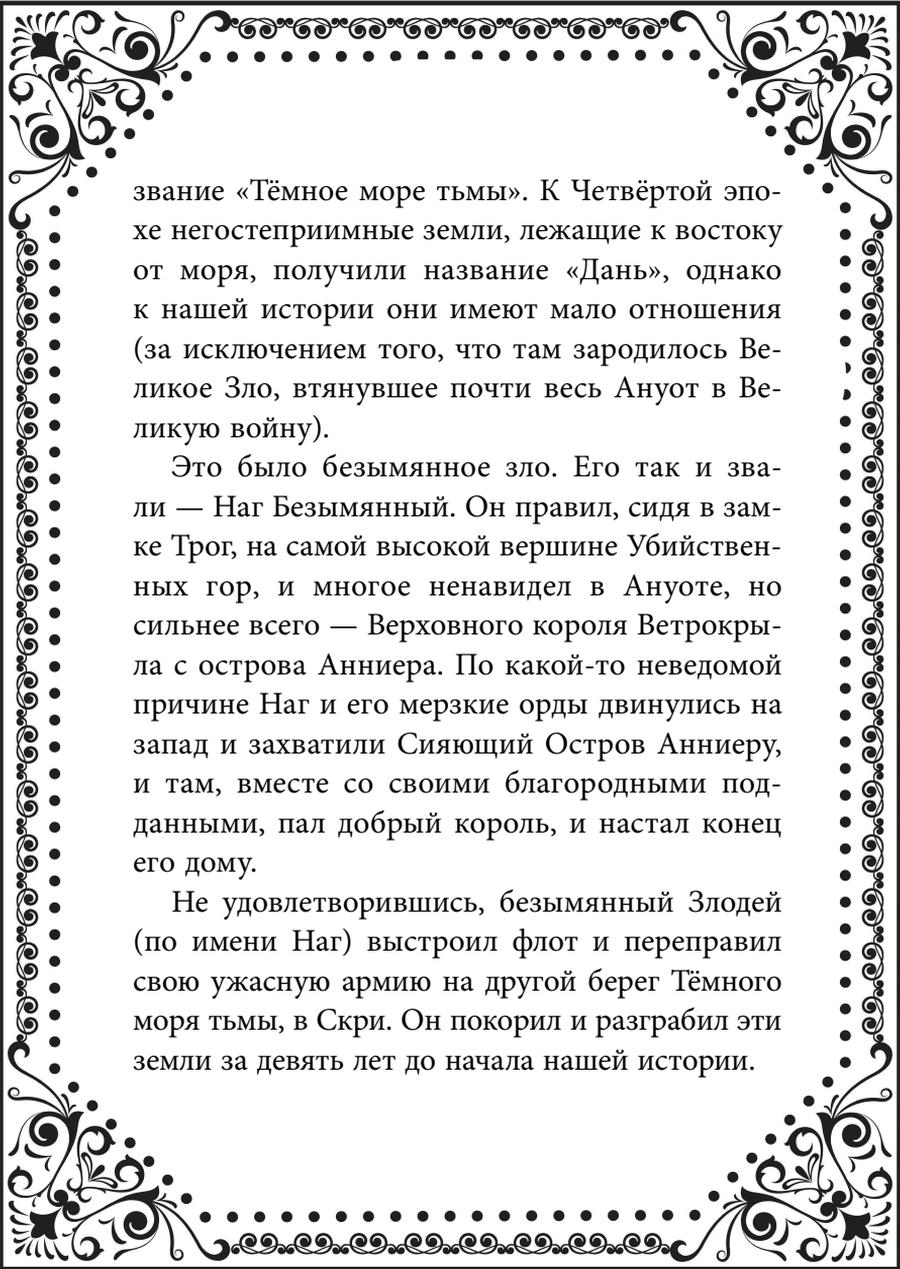
ОБ АНУОТЕ — КОРОТКО

Вот что гласят старинные сказания. Когда в первый день от сотворения мира (того самого, где происходит эта история) проснулся первый человек на свете, он зевнул, потянулся и произнёс, глядя на то, что первым попало ему на глаза:

— А, ну вот.

Этого человека звали Дуэйн, и первым он увидел камень. Рядом, впрочем, сидела женщина по имени Глэдис, с которой Дуэйн постепенно нашёл общий язык. В последующие века этой первофразе учили детей, и внуков, и племянников — и так до тех пор, пока все живые существа, обладающие речью, не начали называть мир вокруг «Ануот».

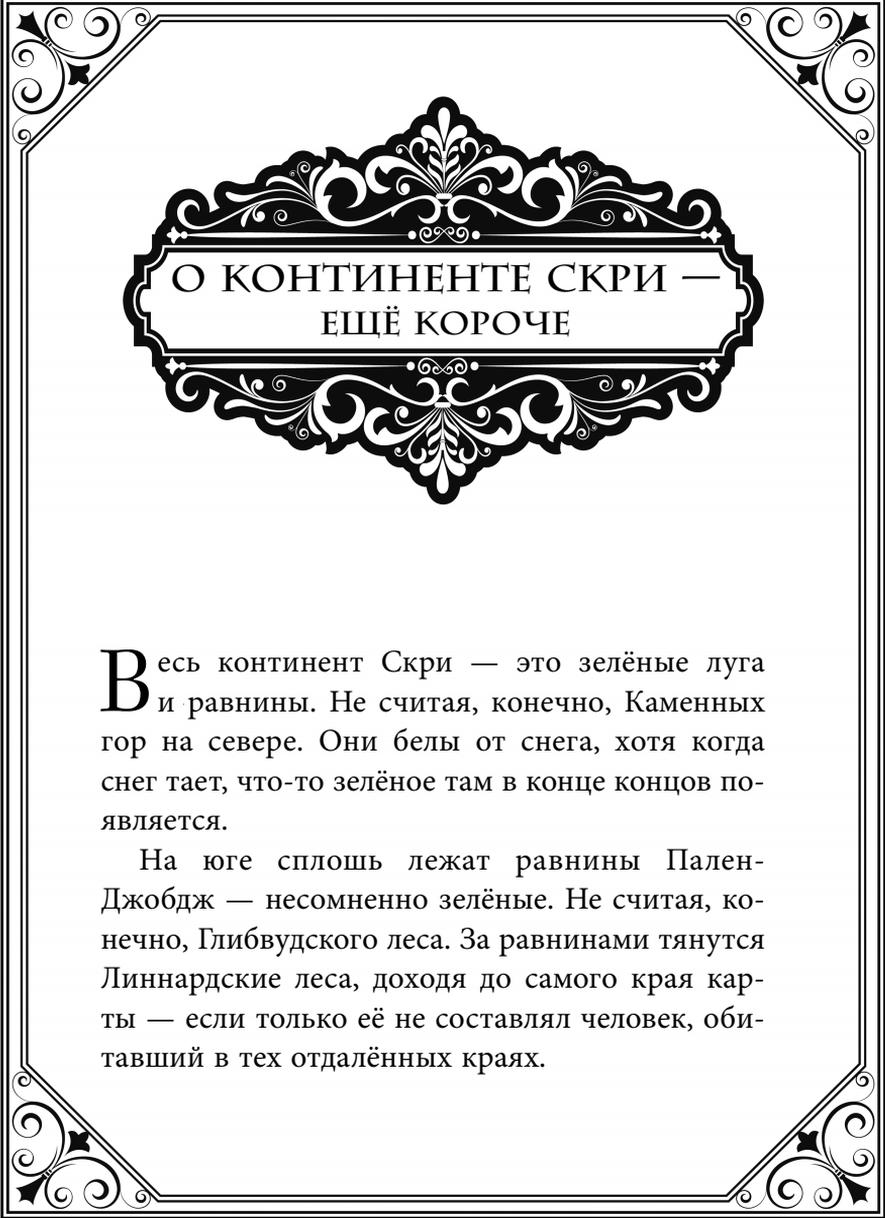
Ануот состоит из двух континентов, разделённых водным массивом, который носит на-

звание «Тёмное море тьмы». К Четвёртой эпохе негостеприимные земли, лежащие к востоку от моря, получили название «Дань», однако к нашей истории они имеют мало отношения (за исключением того, что там зародилось Великое Зло, втянувшее почти весь Ануот в Великую войну).

Это было безымянное зло. Его так и звали — Наг Безымянный. Он правил, сидя в замке Трог, на самой высокой вершине Убийственных гор, и многое ненавидел в Ануоте, но сильнее всего — Верховного короля Ветрокрыла с острова Анниера. По какой-то неведомой причине Наг и его мерзкие орды двинулись на запад и захватили Сияющий Остров Анниеру, и там, вместе со своими благородными подданными, пал добрый король, и настал конец его дому.

Не удовлетворившись, безымянный Злодей (по имени Наг) выстроил флот и переправил свою ужасную армию на другой берег Тёмного моря тьмы, в Скри. Он покорил и разграбил эти земли за девять лет до начала нашей истории.

О КОНТИНЕНТЕ СКРИ — ЕЩЁ КОРОЧЕ

Весь континент Скри — это зелёные луга и равнины. Не считая, конечно, Каменных гор на севере. Они белы от снега, хотя когда снег тает, что-то зелёное там в конце концов появляется.

На юге сплошь лежат равнины Пален-Джобдж — несомненно зелёные. Не считая, конечно, Глибвудского леса. За равнинами тянутся Линнардские леса, доходя до самого края карты — если только её не составлял человек, обитавший в тех отдалённых краях.

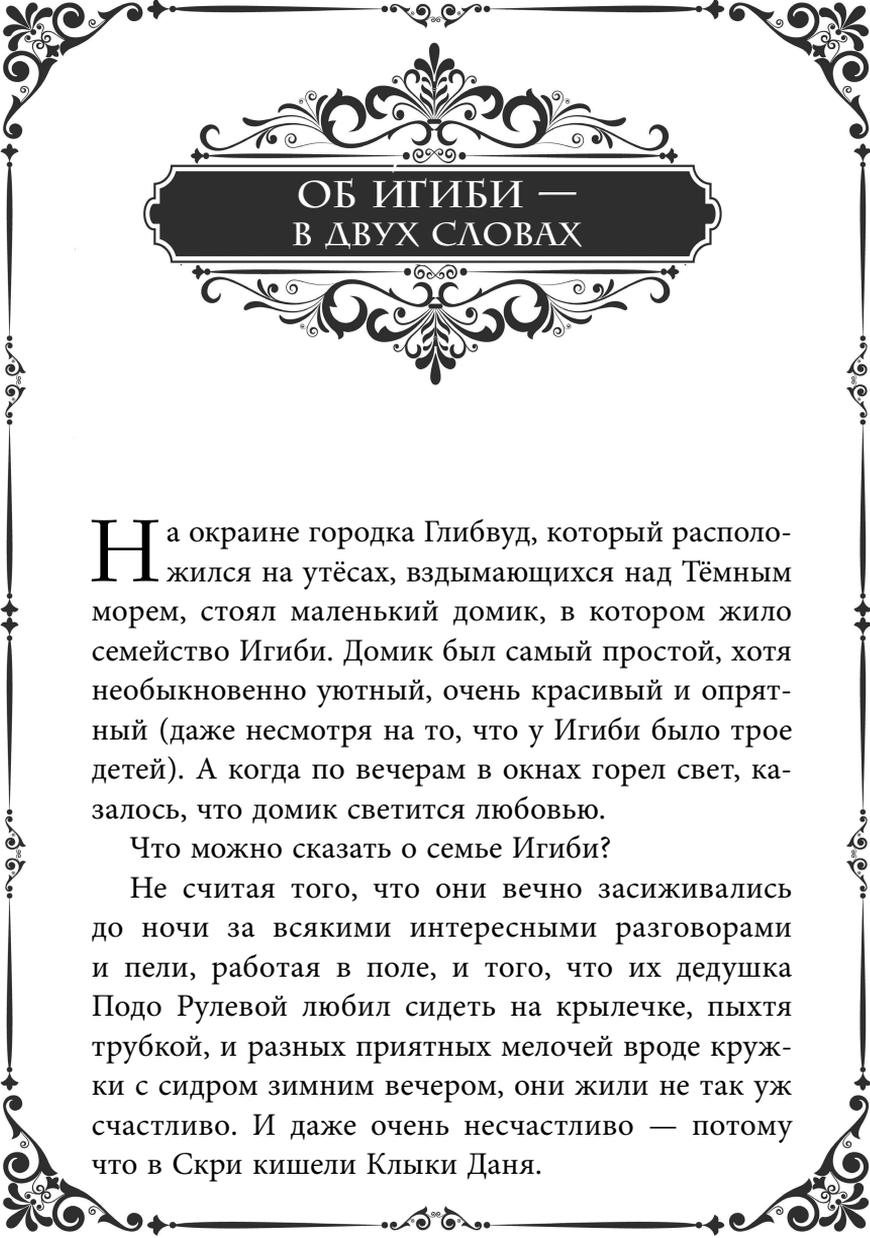
Обитатели равнин, лесных опушек, гор и берегов великой реки Блап жили в мире и благоденствии. Не считая, конечно, вышеупомянутой Великой войны, которую они проиграли и которая в корне изменила всю их жизнь.

После поражения короли Скри и их приближённые — точнее сказать, все, кто претендовал на престол, — были казнены, а простые жители Скри научились выживать под игом Клыков Даня. Клыки расхаживали на двух ногах, как люди, и во многом походили на людей, не считая зелёной чешуи, покрывающей туловище, змеиной морды и двух длинных ядовитых клыков, торчащих из ненасытной пасти. Ещё у них были хвосты.

Когда Наг Безымянный покорил Скри, Клыки заняли все города и деревни и принялись собирать налоги и притеснять свободных скриан. Нет, жителей Скри никто не трогал — если к полудни они успевали вернуться домой. И если не держали дома оружия и не жаловались, когда соседа вдруг увозили за море, откуда он больше не возвращался. Но кроме жестоких Клыков и постоянной угрозы смерти и пыток, в Скри, в общем, нечего было бояться. Ну, разве что Каменных гор, где бродили длиннозубые косматые

бóмнубли с ненасытной утробой, да ещё Ледяных прерий (тем немногим смельчакам, которые жили на этих холодных пустошах, ежедневно приходилось сражаться с остроястребами). Равнины Пален-Джобдж на юге были и красивы, и безмятежны, не считая крысуков, шныряющих в высокой траве. Один фермер из Южного Торборо утверждал, будто видел крысука размером с мипа-однолетка, который, в свою очередь, ростом почти со взрослого хоркнея (а тот, как известно, немногим меньше кроблика).

До того как, ревя, низвергнуться с Фингапского водопада, река Блап течёт тихо и привольно. Она прозрачна как горный ручей; рыба, которая в ней водится, вкусна и безопасна. Не считая, конечно, тех многочисленных созданий, которые ядовиты на ощупь, а также рыбы-кинжала, которая, как известно, запрыгивает в лодки и насквозь пронзает даже самых дюжих рыбаков.

ОБ ИГИБИ — В ДВУХ СЛОВАХ

На окраине городка Глибвуд, который расположился на утёсах, вздымающихся над Тёмным морем, стоял маленький домик, в котором жило семейство Игиби. Домик был самый простой, хотя необыкновенно уютный, очень красивый и опрятный (даже несмотря на то, что у Игиби было трое детей). А когда по вечерам в окнах горел свет, казалось, что домик светится любовью.

Что можно сказать о семье Игиби?

Не считая того, что они вечно засиживались до ночи за всякими интересными разговорами и пели, работая в поле, и того, что их дедушка Подо Рулевой любил сидеть на крыльчке, пыхтя трубкой, и разных приятных мелочей вроде кружки с сидром зимним вечером, они жили не так уж счастливо. И даже очень несчастливо — потому что в Скри кишели Клыки Даня.

1

Джаннер Игиби лежал в постели, дрожа и зажмурившись. Он прислушивался к жуткому стуку Чёрной Кареты, которая катилась по дороге в лунном свете. Его младший брат Тинк похрапывал на верхнем ярусе кровати; сестрёнка Лили, судя по дыханию, тоже спала. Джаннер осторожно приоткрыл глаза и увидел белую как череп луну, которая ухмылялась ему в окно. Он изо всех сил старался не думать о плохом, но в голове у него звучал стишок, которым с давних пор в Скри пугали детей. Мальчик лежал в тусклом лунном свете, и губы у него шевелились сами собой.

Вдоль по берегу реки
Едет Чёрная Карета,
Скачет лошадь, мглой одета,
На козлах злой возница.

Крепче спи, моё дитя,
Пусть она проедет мимо —

А не то, неутомима,
За тобой примчится.

Ты покинешь милый дом
В чёрном чреве ледяном.
В тюрьме сырой, в краю чужом,
Поставлен на колени,
Вдали от родины не раз
Оплачешь горько страшный час,
Когда явились тени.

Вдоль по берегу реки
Едет Чёрная Карета,
Скачет лошадь, мглой одета,
Беда вот-вот случится.

Неудивительно, что Джаннер не смог заснуть, услышав слабый стук копыт и позвякивание цепей. Он живо представил себе ворон, которые то кружили над Каретой, то присаживались на крышу. Ему казалось, что он слышит хрипкое карканье и хлопанье чёрных крыльев. Мальчик сказал себе, что у него просто разыгралось воображение. Но он знал, что каждую ночь Чёрная Карета останавливалась у домишки какого-нибудь бедолаги и навсегда увозила его детей.

Всего лишь неделю назад его мать оплакивала исчезнувшую девочку из Торборо. Сара Коблер была ровесницей Джаннера; они как-то раз виделись, когда Коблеры проезжали через Глибвуд. Но теперь Сару увезли навеки. В ту ночь она лежала в постели — точно так же, как Джаннер теперь. Наверное, она поцеловала родителей на ночь и помолится перед сном. А потом за ней приехала Чёрная Карета.

Она бодрствовала в ту минуту?

Слышала ли она фырганье чёрных коней за окном, видела ли пар, вырывающийся из их ноздрей?

Её связали?

Она сопротивлялась, когда её заталкивали в Карету словно в пасть чудовища?

Но что бы ни делала Сара, ничего не помогло. Бедняжку разлучили с семьёй, и точка. Родители устроили по Саре поминки. Уехать в Чёрной Карете — всё равно что умереть.

Это могло случиться с кем угодно, в любой момент, и ничего нельзя было поделать — только надеяться, что Карета не остановится на твоей улице.

Стук копыт, потрескивание и позвякивание эхом отдавались в ночи. Чёрная Карета приближалась.

Неужели она повернёт на тропинку, ведущую к дому Игиби?!

Джаннер стал молиться.

Малыш, пёсик Лили, лежащий в изножье кровати, поднял голову и завыл, глядя на окно. Джаннер увидел сидящую на сухой ветке ворону. Он затрясся и натянул одеяло до подбородка. Ворона повернула голову и заглянула в окно. Она словно рассматривала мальчика с округлившимися от ужаса глазами, в которых отражался лунный свет. Джаннер замер, пытаясь как можно глубже уйти в недра постели, чтобы ворона его не заметила.

Птица сорвалась с ветки и улетела. Луну закрыло облако. Стук копыт и скрип Кареты стали стихать и постепенно смолкли совсем.

Джаннер лежал затаив дыхание. Он медленно выдохнул и услышал, как Малыш постукивает хвостом по стенке. При мысли о том, что пёсик тоже не спит, мальчику стало не так одиноко. Вскоре он заснул, и ему снились тревожные сны.

2

П оутру все страхи развеялись. Солнце светило ярко, утренняя прохлада постепенно сменялась дневным зноем, а Джаннер представлял, что он умеет летать. Он смотрел, как над пастбищем порхают стрекозы, и воображал себя стрекозой, пытаясь понять, что она видит и чувствует. Вот лёгкий порыв ветра отбрасывает стрекозу через весь луг, швыряет её направо и налево, то поднимает выше верхушек деревьев, то заставляет круто спускаться к самому морю... Джаннер думал: будь он стрекозой, он бы смеялся от радости (если стрекозы, конечно, умеют смеяться) — ведь тот, кто летает, не боится споткнуться. Джаннеру казалось, что в последние несколько месяцев он совсем разучился владеть руками и ногами. Кисти стали длиннее, ступни больше, и мать недавно пожаловалась, что он очень неуклюж.

Джаннер полез в карман и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, достал сложенный листок. В животе

